

Механизмы реинтеграции бывших советских военнопленных в послевоенном обществе

Научный руководитель – Киличенков Алексей Алексеевич

Дерюгина Анна Александровна

Студент (бакалавр)

Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт,
Москва, Россия

E-mail: anka.derugina@yandex.ru

Механизмы реинтеграции бывших советских военнопленных в послевоенном обществе

Дерюгина Анна Александровна

Российский государственный гуманитарный университет

Историко-архивный институт, Москва, Россия

E-mail: anka.derugina@yandex.ru

Советские военнослужащие, которым в годы Великой Отечественной войны не посчастливилось оказаться в немецком плену, столкнулись с одним из наиболее трагичных проявлений войны. Тем из них, кому удалось физически пережить суровые условия неволи, уже после освобождения пришлось столкнуться с трудным процессом включения в общественную жизнь. Кроме бытовых проблем, вчерашним пленным необходимо было преодолеть психическую травму, полученную в военные годы. В данной статье на основе комплекса личных писем бывших военнопленных писателю С.С. Смирнову предпринята попытка реконструировать те механизмы, к которым их авторы прибегали при попытке реинтеграции.

Пожалуй наиболее понятным из подобных механизмов было стремление возобновить довоенную деятельность. В первую очередь это были достаточно прагматичные попытки вернуться к прежней работе, восстановив довоенный статус. Неудачи при возобновлении привычной деятельности служили фактором, осложнявшим реинтеграцию. Не сумев вернуться к прошлой работе, бывшие военнопленные вынуждены были мириться с жизненной неустроенностью: «... я не мог выполнять более ответственную работу и поэтому у меня получилась такая пенсия, что материально мне не обеспечивают за мои все труды, что я отрудился»[п2].

Однако во многом попытка вернуться к довоенной жизни обуславливалась моральным стремлением к реализации жизненных целей, сформированных еще в юности. Восстановление в партии и на «любимой» [п1] работе гарантировало в глазах бывших пленным возможность реализовать довоенные планы. Во многом это можно назвать попыткой абстрагироваться от военного опыта и травмы.

В этой связи выделяется стремление к педагогической работе. Привлекательной чертой преподавания становилась возможность транслировать свой опыт поколению «коммунистического завтра»[п6]: «Еще будучи на фронте я поставил себе цель: если останусь жив, стану учителем. Все что я видел ужасного в этой войне - должно знать подрастающее поколение»[п8]. Немаловажным является тот факт, что возможность преподавания становилась не только допуском к интеллектуальной деятельности, но существенным показателем доверия со стороны власти и общества.

Кроме восстановления на работе или учебе, немаловажным фактором реинтеграции служило воссоединение с семьей. Безусловно, успешное воссоединение с близкими, возвращение к рабочему коллективу, к бывшим товарищам вызывало положительные эмоции

как в целом у фронтового поколения, так и у военнопленных [п9]. Однако для последних характерным становилось активное включение в общественную жизнь.

Особенно актуальным этот механизм становился для тех, кто попал на войну, не успев освоить какую-либо профессию или для тех, кому не удалось вернуться к довоенной жизни. В таких случаях отдельной мотивацией становилось соответствие идеализированным чертам советского гражданина. Например, от письма к письму бывшие военнопленные подчеркивают важность собственных трудовых характеристик: *«Отношусь к своим обязанностям честно»* [п3], *«являюсь ударником коммунистического труда»* [п4], *«за всю трудовую жизнь никто и никогда меня ни в чем не упрекнул, а были только благодарности и этим всегда горжусь»*[п5]. Кроме того, такое соответствие было дополнительным шансом продемонстрировать свою лояльность режиму. *«А разве теперь мы не в общей трудовой упряжке во славу нашей Родины? Или мы отстаем, плетемся в обозе? Ничуть нет. И сколько хватит сил и возможностей, будем трудиться . . . на благо своего народа, своей Родины»* [п7].

Одним из наиболее показательных способов убедиться в доверии со стороны общества и государства было вступление в ряды КПСС. У многих решение связать жизнь с коммунистической партией формировалось еще в плену, при организации подпольных организаций, партизанских отрядов. Для подтверждения кандидатуры на вступление в партию требовались рекомендации от товарищей. Во многом этим было вызвано желание найти «товарищей по несчастью», готовых подтвердить преданность Родине кандидата на вступление в партию. Но, конечно, этим отнюдь не исчерпывалось желание установить контакты с другими узниками. Как и в случае с фронтовиками, общение с другими пленниками было возможностью поделиться своими переживаниями, будучи уверенными во взаимопонимании. Стремлением найти понимание объясняется также желание многих бывших военнопленных послать свои воспоминания С.С. Смирнову. В силу того, что во многом благодаря ему удалось достичь общественного признания, и даже реабилитации бывших военнопленных, последние были уверены в его способности посочувствовать их переживаниям. Выработанный благодаря писателю нарратив позволил уже к 1960-м гг. не просто рефлексировать, но открыто говорить о своем военном и послевоенном опыте.

Таким образом, механизмы реинтеграции можно условно подразделить на два основных блока. В первом случае бывшие пленные пытались абстрагироваться от тяжелого военного прошлого, вернуться к довоенным представлениям или начать жизнь «с чистого листа». В этой связи можно также говорить о попытках некоторой героизации военного опыта. Во втором случае речь идет о более трудном, рефлексивном пути, приводившем к осознанию трагичности собственного положения, к постепенной проработке психической травмы.

Источники и литература

- 1) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 6 Ед. хр. 414 л. 35 – 39.
- 2) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 6 Ед. хр. 416 л. 30 - 41
- 3) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.2528 Оп. 6 Ед. хр. 417 л. 113-121
- 4) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 6 Ед. хр. 418 л. 15-27.
- 5) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 6 Ед. хр. 425 л. 65-86.

- 6) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 6 Ед. хр. 434 л. 8-14
- 7) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 7 Ед. хр. 121 л. 47-59.
- 8) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528 Оп. 7 Ед. хр. 132 л. 130-135.
- 9) Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. - М.: РОССПЭН, 2000.